

АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО. РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ

УДК 72.025.4

В.В. Федоров, Е.В. Скибина

ФГБОУ ВПО «ТвГТУ»

ФЕНОМЕН АРХИТЕКТУРНЫХ РУИН

Архитектурные руины рассмотрены как атрибут пространств социального бытия. Исходя из необходимости учета пространственного фактора в анализе социокультурных явлений, разработана типология руинированных архитектурных объектов. Символ руин берется как инструмент интерпретации социальной действительности.

Ключевые слова: архитектура, руины, символ, общество.

В современной науке сложилась обширная область поведенческо-средовых исследований, акцентирующих пространственный фактор в объяснении и моделировании действительности. В научный обиход все шире проникает «концепция среды как человеческого и материально-пространственного феномена, способного объяснить взаимодействие составляющих его компонентов» [1—3]. Устойчивый интерес к архитектурно-градостроительной феноменологии и закономерностям пространственного поведения индивида и социальных групп породил исследования таких концептов, как «чувство места», «персональное пространство», «дистанция», «ориентация», «территориальность», «стесненность», «руины» и пр. Отныне предметно-пространственное наполнение пространств социального бытия уже не может рассматриваться как нечто внесоциальное.

Понимание руин не как банальных останков зданий и сооружений, а осязаемых памятников прошлого пришло в эпоху Ренессанса. Предоставляемые ранее разрушению, используемые как источник материалов для новых построек, они начали приобретать многочисленные смыслы, становиться источником идеализированных представлений о прошлом и связанных с этим переживаний [4—7]. Постепенно сформировалась своеобразная «эстетика обветшания», повлекшая появление образа руин в литературе, живописи, ландшафтной архитектуре и т.д. Реальные и искусственные руины крепостей, замков, монастырей, мостов, акведуков и пр. приобрели богатое символическое звучание.

Как правило, архитектурные объекты переживают человека: степень капитальности зданий и сооружений столь высока, что их физический износ занимает столетия (хотя моральный износ может наступить много быстрее). Уместно говорить о руинах «исторических» и руинах «современных». В первом случае временная дистанция между моментом возведения руинированного ныне объекта и ситуацией восприятия руин: а) достаточно велика (например, сопоставима с продолжительностью жизни нескольких поколений); б) велика настолько, что утрачивается всякое представление о функциональном назначении здания или сооружения (для чего возводились менгиры, дольмены, кромлехи?). Руины «современные» — результат ошибок проектирования, воз-

ведения или эксплуатации зданий и сооружений, а также стихийных бедствий или боевых действий. Они тоже несут символическое и ценностно-смысловое содержание, но совершенно лишены «патины времени».

Интересно, что сформировавшийся интерес к руинам породил и такие феномены, как «ложные руины» и «будущие руины». Ложные руины впервые массово появились в пейзажных английских парках. Имитируя останки разрушенных временем зданий, беседок, гротов, они идеально отвечали требованиям воссоздания картин прошлого, олицетворения торжества природы и тщетности человеческих усилий. Сегодня пространство существования ложных руин ограничено преимущественно ландшафтной архитектурой. Но есть и редкие попытки выйти за эти пределы. Например, здание торгового центра в г. Хьюстон (шт. Техас), построенное в виде руин неведомого циклопического сооружения. Верхние части стен «разрушены» временем, кладка над входом «угрожает обрушиться» на покупателей. Но ложные руины здесь скорее тривиальный прием привлечения интереса покупателей и туристов.

Значительно глубже смысл «будущих руин», первоначально появившихся в «архитектурных фантазиях» на полотнах художников Дж. Пиранези, Дж. Панини, Ю. Робера, а также в беллетристике конца XVIII в. [6]. Например, Ю. Робер изобразил гипотетические руины Большой галереи Лувра, которая благополучно существует и поныне. В последующем А. Шпеер разработал «теорию будущих руин» [8], позволяющую представить облик руинированных сооружений путем несложной процедуры элиминации конструктивных элементов с небольшими сроками службы. Сегодня в этом направлении продолжают активно работать художники компьютерной графики, создающие руинированные пространства фильмов катастроф, постапокалиптических интернет-игр и пр. Успехом, например, пользуются апокалиптические пейзажи В.А. Манюхина, изображающие гипотетические руины Москвы не очень отдаленного будущего.

Исключительный пространственно-временной масштаб городской среды порождает мощное мифосимволическое содержание, находящее свое отражение в современных подходах к теории архитектуры, социологии пространства и социологии вещей. Мы пользуемся символом руин для того, чтобы «реконструировать сознательную жизнь или хотя бы что-то понять в работе нашего собственного психического механизма в отношении содержательности сознания» [9]. Руины, происхождение которых связано с потрясениями, в прямом смысле для них — катастроф — бытие, обостряют чувство прошлого. Подсознательно общество стремится минимизировать присутствие таких объектов в повседневности, убрать их из нее, облагородив и оформив в виде редко посещаемых мест. Дело в том, что «современные» руины часто символизируют патологические состояния социума, связанные с войнами, катастрофами, актами терроризма и пр.

Так, после проведения трех (!) форумов архитектурного сообщества все-таки было решено провести масштабную реконструкцию здания Рейхстага в Берлине. В структуре нового здания оставили лишь небольшие фрагменты военных руин — символа поражения страны в войне. Чаще создают отдельные мемориальные комплексы, в состав которых органично включены общеизвестные военные руины (рис. 1).

Рис. 1. Здание мельницы Гергардта в Волгограде (а) и Купол Гэмбаку в Хиросиме (б) как символы мировой войны

В процессе понимания руин как символов мы устанавливаем их значение, а также формируем индивидуальное отношение к ним, наделяя (иногда — лишая) объект ценностно-смысловым содержанием. Такая работа по интерпретации есть преодоление временной дистанции, отделяющей индивида от того, что актуально предстает пред ним в форме руин.

Заинтересованное отношение к «историческим» (в меньшей степени это касается «современных») руинам — важный момент европейской культуры. Со времен Ренессанса непрерывно расширяются границы, определяющие исторически *ценное*, постепенно к памятникам античности добавляется все больше разнообразных архитектурных руин, методы сохранения которых становятся все более изощренными. Сегодня в эту сферу вовлечены даже руины промышленной среды (лофт-архитектура). Люди «узнали живописность запустения и полюбили ее, вместе с ее выцветшими красками и осыпающимися мраморами. Эта любовь парадоксальным образом стала двигателем новой экономики, в которой путешествия превратились из развлечения избранных и деятельности энтузиастов во времяпровождение, доступное массам и обеспечивающее существование целых народов» [9].

Интерес к материальным следам прошлого является следствием понимания важности временного фактора в жизни человека и человеческих сообществ в целом. Архитектурные руины становятся не просто случайным элементом парковых пейзажей, но специально продуманными центрами художественных ландшафтных композиций, которые должны настраивать зрителей на определенные чувства (рис. 2). В завершенном виде теория естественности и правдивости архитектурных руин в искусстве через передачу «духа времени» была сформулирована У. Моррисом: «поверхность древнего здания запечатлевает развитие человеческих идей, непрерывность истории и, таким образом, становится поучительной» [10].

Символика руин в значительной степени сумбурна, глубоко индивидуальна, но веками сохраняет свой потенциал нуминозного, наглядно проявляя синхронизм структурного и архетипического содержания (подтверждение тому — непрерывный поток туристов, горящих желанием увидеть и что-то почувствовать возле пирамид разных цивилизаций, древнегреческих и древнеримских развалин и т.д.).

Рис. 2. Классический пример современной «жизни» руин (фото авторов)

Но развивающаяся культура отдает предпочтение мотивам созидания, замещения и с их помощью сглаживает, вытесняет мотивы разрушения. Архитекторы создают все новые и новые варианты упорядочения среды предметно-пространственного окружения, новые архитектурные формы, подвигая членов общества к новым формам пространственного поведения.

В итоге архитектурные руины, все более характерологически разнообразные, занимают все же весьма ограниченное место в современных пространствах социального бытия. Новая архитектурная среда стремится ограничить присутствие руин, отводя для них своего рода резервации в мемориальных зонах и ландшафтной архитектуре.

Однако общая культурная ситуация не столь однозначна. Начиная с 1980-х г., феномен архитектурных руин стремительно расширяет свое присутствие в виртуальных пространствах (таблица). Сегодня блокбастеры и квест-игры просто немыслимы без виртуальных архитектурных руин. Актуальность присутствия здесь рассматриваемого феномена обусловлена тем обстоятельством, что руины (как гипертекст) предполагают возможность «скачков восприятия» в результате использования множества перекрестных «ссылок» композиционного, символического и эмоционально-эстетического свойства.

Типология руин в пространстве происхождения — время

Природа происхождения	Привязка к временной оси		
	«Исторические» руины	Актуально существующие	«Будущие» руины
Руины, сформировавшиеся естественным образом	1	2	—
Изначально возведенные как руины	—	3	—
Руины в виртуальной реальности	—	4	5

Сказываются также определенные особенности восприятия и пространственных переживаний руинированной среды. Исторически архитектура развивается (с учетом функционального момента, конечно) в направлении усложнения. В руинированной среде этот принцип утрачивает свою действенность из-за неопределенности влияния множества привходящих обстоятельств. И дело не только в упрощении, «оплывании» исходных форм.

Во-первых, это очевидные сложности конкретных визуальных измерений из-за отсутствия привычных взгляду конструктивных элементов (окон, дверей, ступеней и пр.), позволяющих оценить масштаб сооружения. Утрата «зацепок» для суждения о глубине и расстояниях в такой среде разрушает ее соизмеримость. В итоге нарушается сбалансированность пространства, массы, формы, свойственная архитектурным творениям, и часто доминирует глухая масса (останки колонн, стен и т.п.). Во-вторых, отсутствие пространственных ориентиров, объемности, симметрии и значимых фрагментов ведет к усилению иррационального момента в восприятии руин. Утрата исходного образа (впечатления), как правило, разрушает единство формы и содержания. В результате координация привычных представлений с актуальными результатами восприятия руин очень сложна, если не невозможна. Кроме того, часто отсутствует представление о действительном функциональном назначении сооружения (пример — уже упомянутые мегалиты).

С другой стороны, повсеместно отмечается особая живописность руин, понимаемая как сложность и случайность композиции. Неестественная игра света и тени, утраченная окраска и новая «фактура» поверхностей очевидным образом влияют на результат восприятия руин, деформируя (преуменьшая или преувеличивая) пространство.

Особый случай — руины при ночном освещении (воспетые беллетристами). Появляется также фактор прямого освещения сверху, свойственного весьма ограниченному кругу архитектурных объектов (Пантеон, атрии и др.). Верхний свет характерен в большей степени для культовых сооружений, и эта дополнительная нота начинает неожиданно и активно звучать в образе руин.

Логично предположить, что основной функцией руинированного архитектурного пространства может быть названо коммуникативное назначение. Речь идет о новом, расширенном ценностно-смысловом содержании, выходящем за первоначальные рамки [11, 12]. Возникающая мощная символическая функция позволяет поддерживать, фиксировать, аккумулировать и транслировать общечеловеческий опыт. Не только в разные эпохи, но и в глазах разных социальных групп одни и те же руины будут пониматься по-разному, давая возможность открытия новых смыслов.

Сложность переживаний, связанных с восприятием руин, обусловлена множеством обстоятельств, которые, по нашему мнению, пока не нашли достаточного полного освещения в архитектуроведческих работах. Особого внимания заслуживают: 1) согласие во мнении, что при всей специфике руинированная среда представляет собой частный случай среды архитектурной, наполняющей пространства социального бытия; 2) построение типологии руин, важной для осмысления феномена в целом; 3) исследование места архитектурных руин в виртуальной реальности; 4) уточнение потенциала воздействия на человека феномена архитектурных руин.

Библиографический список

1. Кияненко К.В. Архитектурная наука в США: «ЭДРА» и человекоориентированные исследования // Academia. 2011. № 1. С. 38—43.
2. Nowak M. Five Rules for the Evolution of Cooperation // Science. Vol. 314. 2006. Pp. 1560—1563.
3. O'Connell K. Tactical urbanism has caught on in a big way // Architect, July 2013. Pp. 38—40.
4. Ухналёв А.Е. Руины. Время. Архитектура // Архитектурный вестник. 1997. № 4. С. 61—63.
5. Jodidio Ph. Architecture Now. London: Taschen, 2005. 447 p.
6. Зенкин С.Н. Французский романтизм и идея культуры (аспекты проблемы). М. : РГГУ, 2001. С. 32—39.
7. Сардаров А. Руины как архитектурно-художественное явление // Архитектура и строительство. 2010. № 5 (216). Режим доступа: <http://ais.by/story/11799>. Дата обращения 29.07.2013.
8. Шнеер А. Воспоминания. М. : Захаров, 2010. 688 с.
9. Митин И. Несколько замечаний о руинах. Режим доступа: <http://os.colta.ru/art/projects>. Дата обращения: 24.05.2011.
10. Моррис У. Искусство и жизнь. М. : Искусство, 1973. 324 с.
11. Шёнке А. Апология руины в философии истории. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95>. Дата обращения: 14.02.2012.
12. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. : Искусство, 1995. 446 с.

Поступила в редакцию в апреле 2013 г.

Об авторах: **Федоров Виктор Владимирович** — доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой архитектуры и градостроительства, **ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет» (ФГБОУ ВПО «ТвГТУ»)**, 170026, г. Тверь, наб. Аф. Никитина, д. 22, (4822) 52-33-98, vvf322@yandex.ru;

Скибина Елена Владимировна — ассистент кафедры архитектуры и градостроительства, **ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет» (ФГБОУ ВПО «ТвГТУ»)**, 170026, г. Тверь, наб. Аф. Никитина, д. 22, Lena07.03@mail.ru.

Для цитирования: *Федоров В.В., Скибина Е.В. Феномен архитектурных руин // Вестник МГСУ. 2013. № 8. С. 7—13.*

V.V. Fedorov, E.V. Skibina

ARCHITECTURAL RUINS PHENOMENON

Modern academic research has a large area of behaviorist and environmental studies focusing on the spatial factor employed to explain the reality. The concept of understanding ruins as monuments of the past dates back to the days of the Renaissance. Exposed to destruction in the past ages, they have acquired numerous meanings, thus, becoming a source of ideas about the past.

It is appropriate to speak about “historic” and “modern” ruins. In the first case, the time distance between the moments of construction and perception of ruins is quite large. In the second case, ruins comprise the outcome of inaccurate design, construction or maintenance of buildings, natural disasters or wars. They also have a symbolic and semantic content. The interest in the phenomenon of ruins has brought forth the notion of «false ruins» (in landscape parks) and «future ruins» (paintings and fiction). The spatial and time scale of the urban environment (including ruins) generates a powerful symbolic content. Ruins often symbolize a pathological state of the society that strives to minimize the presence of such objects in the everyday life. Developing culture prefers creative motives and tends to replace destructive ones.

Since the 1980s, the phenomenon of architectural ruins has been rapidly expanding its presence in the virtual space due to:

- 1) the complexity of visual assessments because of the lack of familiar structural elements to be employed to estimate the size of buildings;
- 2) the violation of the balance of space, mass, shape, typical of architectural creations;
- 3) the dominance of the dead mass (remains of columns, walls, etc.);
- 4) the lack of spatial reference, volume, symmetry, reinforcing irrationality in perception of ruins (the loss of the original image destroys the unity of form and content);
- 5) the loss of opinions on the functional purpose of buildings;
- 6) exclusive picturesque ruins;
- 7) background lighting, colour and texture of surfaces.

The complexity of experiences related to the perception of ruins is determined by many circumstances. Special attention should be paid to: a) the presentation of ruins as a particular case of the architectural sphere; 2) the development of typology of ruins, important for the understanding of the phenomenon as a whole; 3) the study of particular architectural ruins in the virtual reality; 4) the objective of identifying the potential impact that the phenomenon of architectural ruins may produce on the mankind.

Keywords: architecture, ruins, symbol of society, perception, monuments.

References

1. Kiyanenko K.V. Arkhitekturnaya nauka v SShA: «EDRA» i chelovekoorientirovannyye issledovaniya [Architectural Science in the United States: EDRA and Human Oriented Researches]. *Academia* [Academy]. Moscow, 2011, no. 1, pp. 38—43.
2. Nowak M. Five Rules for the Evolution of Cooperation. *Science*. 2006, vol. 314, pp. 1560—1563.
3. O'Connell K. Tactical Urbanism Has Caught On in a Big Way. *Architect*, July 2013, pp. 38—40.
4. Ukhnaev A.E. Ruiny. Vremya. Arkhitektura [Ruins. Time. Architecture] *Arkhitekturnyy vestnik* [Architectural Herald]. 1997, no. 4, pp. 61—63.
5. Jodidio Ph. *Architecture Now*. London, Taschen, 2005, 447 p.
6. Zenkin S.N. *Frantsuzskiy romantizm i ideya kul'tury (aspekty problemy)* [French Romanticism and Idea of Culture (Problem Aspects)]. Moscow, RGGU Publ., 2001, pp. 32—39.
7. Sardarov A. *Ruiny kak arkhitekturno-khudozhestvennoe yavlenie* [Ruins as Architectural and Artistic Phenomenon]. *Arkhitektura i stroitel'stvo* [Architecture and Construction]. 2010, no. 5 (216). Available at: <http://ais.by/story/11799>. Date of access: 29.07.2013.
8. Shpeer A. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Zaharov publ., 2010. 688 p.
9. Mitin I. *Neskol'ko zamechaniy o ruinakh* [Some Remarks on Ruins]. Available at: <http://os.colta.ru/art/projects>. Date of access: 24.05.2011.
10. Morris U. *Iskusstvo i zhizn'* [Art and Life]. Moscow, 1973, 324 p.
11. Shenle A. *Apologiya ruiny v filosofii istorii* [Apology of Ruin in Philosophy of History]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95>. Date of access: 14.02.2012.
12. Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Problem of Symbol and Realistic Art]. Moscow, 1995, 446 p.

About the author: **Fedorov Viktor Vladimirovich** — Doctor of Culture Studies, Professor, Chair, Department of Architecture and Urban Planning, **Tver State Technical University (TvGTU)**, office 322, 22 nab. Af. Nikitina, Tver, 170026, Russian Federation; vvf322@yandex.ru;

Skibina Elena Vladimirovna — assistant lecturer, Department of Architecture and Urban Planning, **Tver State Technical University (TvGTU)**, office 322, 22 nab. Af. Nikitina, Tver, 170026, Russian Federation; Lena07.03@mail.ru.

For citation: Fedorov V.V., Skibina E.V. Fenomen arkhitekturnykh ruin [Architectural Ruins Phenomenon]. *Vestnik MGSU* [Proceedings of Moscow State University of Civil Engineering]. 2013, no. 8, pp. 7—13.